

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕЙ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ЛОГИКИ КАНТА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Понять подлинную значимость концепции, выдвигаемой гениальным мыслителем, а таким, несомненно, является И. Кант, можно лишь имея в виду те результаты, к которым в конечном счете эта концепция привела. Применительно ко многим сторонам учения И. Канта пока еще рано говорить о них, поскольку итог развития еще не однозначен и оценки могут меняться. Однако, на наш взгляд, история развития научного знания, особенно в эпоху научно-технической революции, дает весьма четкий ответ на вопрос, лежащий в основе всей «Критики чистого разума», а именно — вопрос о соотношении между формальной и трансцендентальной логикой.

Как известно, Кант является родоначальником указанного расчленения логической науки. В существовавшей до него логике Аристотеля такого расчленения не было. Аристотель в едином ключе рассматривал формально-логические и гносеологические проблемы. Кант их не только расчленил, но и превратил в полярные противоположности. Таким образом, Кант оказывается, с одной стороны, в своей трансцендентальной логике, родоначальником диалектики в немецкой классической философии, а с другой стороны — в общей логике, родоначальником подлинно формальной логики. Большой знаток Канта, В. Ф. Асмус о последней говорит следующее: «Кант был вдохновителем, инициатором и творцом формальной логики. Все множество логических функций и фактов он свел к анализу отношений между понятиями. При этом самые отношения он трактовал как отношения между объемами понятий. Богатство логических форм Кант свел к односторонней, чисто количественной логике понятий. В самом понятии он оторвал материю от формы, категорически противопоставив их друг другу. Предметом логического изучения Кант объявил состав знания, а анализ этого состава резко отделил от изучения его происхождения и развития. Так сложилась идея «формальной» логики — странной науки, излагающей «законы» и «правила» одних лишь «пустых» форм мысли, независимо от их предметного содержания, независимо от их познавательного источника и их генезиса»¹.

Естественно возникает вопрос — зачем нужно было создавать такую «странную» науку? В. Ф. Асмус в 1929 г. вслед за Гегелем считал, что создание такой, чисто формальной, логики,

в сущности — заблуждение Канта. «Эти замечания Гегеля ставят нас в центр критики логического построения Канта. Гегель гениально наметил основы этой критики, и все последующее развитие философии мало что могло добавить в этом пункте. Основное и роковое по последствиям заблуждение логики Канта — ее формальный характер»².

Как же можно было допустить столь вопиющую ошибку? Гегель удивляется этому.

Сейчас, спустя 200 лет после выхода в свет «Критики чистого разума», мы не удивляемся тому, зачем была создана формальная логика. Диалектика развития современного научно-технического знания такова, что практическое применение находят прежде всего не содержательные построения, а именно строго формальные логики, решающие свои задачи в отвлечении от конкретности содержания. Мощнейшим стимулом развития логических формализмов явилось появление электронно-вычислительной техники — «думающих» машин, которые могут «думать» лишь по законам формальной логики, отвлекающейся от конкретности содержания. Трудности в применении ЭВМ сейчас связаны, главным образом, с недостаточной разработанностью формального аппарата. Поэтому на разработки в сфере формальной логики выделяются средства как на практически значимые исследования, от которых ожидается экономический эффект. Получается парадоксальная картина — философия участвует в научно-техническом прогрессе, причем в той своей части, которая, казалось бы, дальше всего от этого прогресса отстоит.

Кант, конечно, не мог знать ни о каких компьютерах. Но ведь идея логической машины возникла задолго до Канта. Ее выдвинул еще Раймонд Луллий. Она была осмеяна Джонатаном Свифтом в его «Путешествии Гулливера на Лапуту». Но идея жила. В своей формальной логике Кант выразил логические условия реализации этой идеи.

Однако непосредственная задача, ставящаяся перед формальной или «общей» логикой, была иной. Ее весьма четко сформулировал сам Кант: «Общая логика может быть или чистой или прикладной. В первой мы отвлекаемся от всех эмпирических условий, при которых действует наш рассудок, например: от влияния чувств, от игры воображения, законов памяти, силы привычки, склонностей и т. п., стало быть, и от источников предрассудков и даже вообще от всего, что может быть причиной тех или иных знаний или может незаметно внушить нам их» (3, 156)*. Иными словами, общая логика имеет задачей преодоление всякого субъективизма. Формализация является средством решения этой задачи.

* Здесь и далее ссылки на сочинения И. Канта по изданию: Кант И. Сочинения в 6-ти т. М., 1963—1966, даются в тексте в круглых скобках (цифра до запятой обозначает том, после запятой — страницу).

Благодаря формализации общая логика может дать канон для оценки знания, «*conditio sine qua non*,... негативное условие всякой истины, но дальше этого логика не может идти» (3, 160). Дальше этого идет трансцендентальная логика, точнее — важнейшая ее часть — трансцендентальная аналитика, которая есть «логика истины» (3, 162). Именно эта логика занимается трансцендентальной дедукцией, т. е. выяснением вопроса о том, каким образом понятия могут а priori относиться к предметам. Новаторы обычно стремятся подчеркнуть значимость создаваемого ими за счет того, что было создано ранее, которое ими отбрасывается совершенно или низводится до роли ничтожного фрагмента вновь созданного. Так, Ф. Бэкон, создавая индуктивную логику, совершенно нигилистически относился к логике формальной. Недалеко от такой позиции ушли и некоторые теоретики математической логики, считавшие, что вся традиционная логика составляет незначительный и неточно изложенный фрагмент логики предикатов³.

Совершенно иной характер имеет позиция Канта. Очищение общей логики от всех содержательных рассмотрений имеет целью выделение ее наиболее достоверного ядра, которое не может быть подвергнуто никакому сомнению. Основательность новой, трансцендентальной логики во многом зависит от того, в какой мере ее удастся базировать на общей логике, достоверность которой гарантирует ее формальный характер. Так, при создании системы чистых рассудочных понятий или категорий Кант, в отличие от Аристотеля, мог опереться на уже готовое построение — формальную логику. Об этом с большей четкостью, чем в «Критике», он пишет в «Пролегоменах». Чтобы открыть принцип построения системы категорий, «я стал искать такое рассудочное действие, которое содержит все прочие и отличается только разными видоизменениями или моментами в приведении многообразного [содержания] представлений к единству мышления вообще; и вот я нашел, что это действие рассудка состоит в составлении суждений. Здесь передо мной были уже готовые, хотя и не совсем свободные от недостатков, труды логиков, с помощью которых я и был в состоянии представить полную таблицу чистых рассудочных функций, неопределенных, однако, в отношении какого-либо объекта» (4 (1), 144).

Что же было почерпнуто из тех трудов логиков, о которых говорит Кант? Прежде всего была взята классификация суждений по признакам количества, качества, отношения и модальности. Это весьма убогая, лишенная единого основания, классификация. И на ее основе создается система категорий, используемая не только самим Кантом, но и Гегелем! Большого традиционная логика того времени ничего не могла предложить. Кант не развил существенным образом эту логику. Он лишь очистил, рафинировал ее, выделил чисто формальные моменты. Основой формализма традиционной логики, правильно

*Откуда? Изменились ли сами по себе понятия
содержания? / Кант — не содержательный.*

построенные формулы которой имеют вид KS есть P , KS не есть P , где K — квантор «все» или «некоторые», могли быть лишь отношения понятий по объему. Отсюда та роль, которую эти отношения играют не только в общей логике Канта, но и в его трансцендентальной логике.

Опора на объемные отношения не является ни в коей мере заблуждением Канта. Это единственно правильное решение, учитывая состояние логики его времени. И в более позднее время теоретико-множественные отношения во многом предопределили развитие логики. Лишь в последние десятилетия стала выявляться их недостаточность для развития логического формализма.

Другой существенной ограниченностью традиционной логики кантовского периода является недооценка формализации операций. Операции, такие как обращение, превращение, ограничение, обобщение, составляли как бы периферию традиционной логики. Но уже логика высказываний, бурное развитие которой относится к послекантовскому периоду, поставила операции в центр своего внимания. Это дало возможность ее построения как исчисления, выразимого в виде особой — булевой алгебры. Не меньшую роль операции играют и в исчислении предикатов.

В настоящее время никоим образом нельзя сказать, что формальная логика со времен Аристотеля не сделала ни шагу ни вперед, ни назад. Мы имеем изобилие формальных систем самого различного характера. Среди них есть такие, которые целиком основаны на теоретико-множественных представлениях, и такие, в которых имеет место стремление преодолеть ограниченность этих представлений, это так называемые интенциональные, или релевантные, логики. В последнее время эти логики все чаще применяются к решению традиционно гносеологических проблем, таких, как определение соотношений между теоретическим и эмпирическим знанием, как проблема номологических утверждений, для логической экспликации таких научных процедур, как объяснение, понимание, предвидение, диагноз, принятие решений и т. д. Появились временная, каузальная, нормативная логики как определенного типа формальные системы. Все эти направления иногда объединяются под общим названием философской логики, которая представляет собой не что иное, как философское применение формальных систем.

В этой связи можно поставить вопрос — сохраняются ли в наше время те основания, по которым логику можно было бы делить на чисто формальную и гносеологическую — трансцендентальную. На наш взгляд, такое деление в настоящее время утрачивает свой *raison d'être*. Формальные системы становятся настолько богатыми по своему формальному содержанию, что с их помощью можно решать философские вопросы. В частно-

сти, это могут быть именно те философские вопросы, которые рассматривает И. Кант в своей трансцендентальной логике⁴.

Разумеется, сказанное не означает, что все формальные системы равноценны в указанном плане. Формальная система может быть более или менее эффективной в решении философских проблем в зависимости от тех философских предпосылок, которые лежат в ее основе, в частности, в зависимости от того категориального базиса, который она использует. Диалектика категорий не может быть просто заимствована из той или иной формальной системы подобно тому, как это сделал Кант. Напротив, формальная система сама строится на основе той или иной категориальной системы.

Формальная логика докантовского периода была основана на паре категорий: «вещь» — «свойство». Эта категориальная оппозиция и выражена в структуре аристотелевского суждения. Сторонники логики отношений выдвигали на первый план другую пару: «вещь» — «отношение». Диалектическое единство того и другого дает нам триаду: «вещь» — «свойство» — «отношение», намеченную еще Аристотелем, но недооцененную как Кантом, так и Гегелем именно потому, что они исходили из анализа таких формальных систем, которые не основывались на указанной триаде в целом. Указанная триада может быть понята метафизически, когда вещь, свойство и отношение рассматриваются как внеположности одно независимо от другого. Но уже Гегелем было показано, что свойство немыслимо вне отношения. Принцип диалектического единства всех трех категорий, согласно которому каждая из них может рассматриваться как особый, вырожденный случай другой категории и приобретает свой логический статус лишь в связи с двумя другими, дает возможность построения на этой основе формального аппарата, так называемого «языка» тернарного описания⁵, обладающего некоторыми преимуществами в решении как теоретико-системных, так и гносеологических проблем. Так, в рамках этого аппарата находят свое формальное выражение характеристики объектов, рассматриваемых в качестве систем, с его помощью могут быть аналитически выявлены общесистемные закономерности, что означает построение общей теории систем как дедуктивной теории⁶.

В философском плане представляет интерес возможность формализации с помощью этого аппарата онтологических утверждений⁷, выявление логической сущности понимания и объяснения⁸ и т. д.

Этот же аппарат позволяет пролить свет и на решение традиционной проблемы соотношения между диалектической и формальной логикой. До сих пор имели место попытки создания особой диалектической логики *наряду* с формальной, как ее антитеза. Если бы такие попытки удалось, то формальная и диалектическая логика существовали бы как внеположенно-

сти одна вне другой. В. И. Ленин говорил, что не нужно трех слов для логики, диалектики и теории познания⁹, — здесь же оказываются два слова для одной только логики. Это метафизическая постановка вопроса. Диалектическая логика должна существовать не вне формальной. Она как диалектика категории существует в самой формальной логике и проявляется через формальную логику, так же как она проявляется через математику, физику и любую другую науку, достигшую диалектической стадии своего развития.

¹ См.: Асмус В. Ф. Диалектика Канта. М., 1929, с. 96.

² Там же, с. 71.

³ См.: Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. М., 1947.

⁴ См. напр.: Троепольский А. Н. Новый импульс в исследовании проблем аналитического и синтетического. — В кн.: Кантовский сборник. Вып. 6. Калининград, 1981.

⁵ См.: Уемов А. И. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития. — В кн.: Системный анализ и научное знание. М., 1978.

⁶ См.: Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.

⁷ См.: Уемов А. И., Цофнас А. Ю. Формальное выражение онтологических утверждений. — Философские науки, 1973, № 3.

⁸ См.: Терентьева Л. Н., Уемов А. И., Цофнас А. Ю. Понимание и объяснение как научные процедуры и их формализация в языке тернарного описания. — В кн.: Системный подход и современная наука. Вып. 6. Новосибирск, 1980.

⁹ См.: Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

И. С. НАРСКИЙ

О ЧЕТЫРЕХ ОТРИЦАНИЯХ В ФИЛОСОФСКИХ ТРУДАХ КАНТА

Соотношение между Кантом и Гегелем, с точки зрения общего историко-философского процесса, может быть охарактеризовано, между прочим, так: Кант обратил внимание на отличия закономерностей процесса познания от законов собственно объективного мира, но понял эти отличия в абсолютном смысле, так что пришел к ложному агностическому тезису о неуменальности мира вещей в себе, а Гегель раскрыл то общее, что соединяет их вместе, т. е. те основания, по которым они друг с другом совпадают, но понял эти основания в абсолютном смысле, так что пришел к ложному идеалистическому тезису о тождестве мышления (познания) и бытия. В философии диалектического материализма преодолены обе эти односторонние позиции, — как кантовская, так и гегелевская, — они коренным образом «сняты» марксистскими положениями о материальном